

Том первый: Святилище Хигураси. Сёгудзи Хигураси Идзаёй.

В 2205 году нашей эры «ревизионисты истории», стремящиеся изменить ход истории, начали атаковать прошлое. «Сэнива», на которых была возложена миссия по защите истории, вместе со своими сильнейшими цукумогагами мечей — «Токэн Данси» — отправляются сквозь время и пространство на исторические поля сражений разных эпох, чтобы сражаться с врагом, известным как «Армия ретроградного времени», и защищать историю.

...Исходя из всего вышесказанного, поскольку текущая военная ситуация становится всё более ожесточенной, Правительство времени надеется, что такие люди, как госпожа Сакурако, обладающие невероятно мощной духовной силой, станут сэнива, чтобы помочь Правительству времени стабилизировать обстановку на фронтах.

Белый лисенок с красными узорами на мордочке, напоминавшими маску для летнего фестиваля, подогнул передние лапы и отвесил глубокий поклон, поразительно искусный для животного.

Прямо перед белой лисицей на коленях сидела девушка пятнадцати-шестнадцати лет. Ее длинные черные волосы были аккуратно собраны на затылке с помощью белой бумаги танта, а сама она была облачена в традиционное святилищное облачение мико — белую куруси и алые хакама.

В этот момент девушка с изумрудными, словно юный бамбук, глазами с предельной серьезностью слушала то, о чем говорил лисенок, а под конец даже растерялась из-за его чересчур почтительного поклона, хотя в ее взгляде читалось легкое колебание.

Хоть в душе ее и терзали сомнения, девушка все же поспешила заговорить:

— Коносукэ, прошу, встань. Мне нужно подумать, ведь это далеко не мелочь, к тому же родителей сейчас нет дома, и мне необходимо хорошенько посоветоваться с семьей.

— Медлить больше нельзя, я умоляю вас, госпожа Сакурако, соглашайтесь! Мы отчаянно нуждаемся в тех, у кого от природы сильна духовная сила и кто умеет ею пользоваться. Раньше Правительство времени набирало в сэнива обычных людей, но у них вечно хромали либо сила духа, либо моральные качества. Теперь Правительство времени из-за этого изрядно натерпелось головной боли.

Коносукэ скорчил на своем и без того странном лице, похожем на маску, такое скорбное выражение, какое животным выразить крайне трудно.

Девушка по имени Сакурако лишь моргнула, но так и не произнесла слова, вертевшиеся на языке: видя, как и без того убит горем и отчаянием этот лисенок, она решила не подливать масла в огонь!

На самом деле Сакурако хотела сказать следующее: да ведь все проблемы из-за того, что вы изначально подошли к отбору через одно место! Набирать в сэнива абы кого, людей с неподходящим характером и сомнительной моралью — мудрено ли, что потом все идет наперекосяк? В синтоистской традиции к выбору сэнива всегда относились с предельным трепетом и осторожностью, и ставить на эту роль обывателей изначально было абсурдно.

Затем этот лисий сикигами по имени Коносукэ принялся расписывать в красках, как сильно он надеется, что Сакурако согласится стать сэнива, и попутно поведал о горькой судьбе многих цукумогагами мечей — лишь бы разжалобить девушку и добиться ее немедленного согласия. Коносукэ даже приготовил договор: стоило девушке хоть чуть-чуть кивнуть, как он тут же готов был вытащить его наружу.

Однако, когда юная дева уже была почти сломлена его речами и собиралась утвердительно кивнуть, за дверью послышался звук раздвигаемых створок.

Коносукэ пришел в ярость: ведь он уже почти заполучил согласие девушки, а тут какой-то незванный гость нагло прерывает весь процесс!

Но стоило лисенку разглядеть вошедшего, как он тут же снова рухнул ниц, сменив гнев на почтительный трепет — очевидно, личность появившегося внушала ему суеверный ужас.

Раздвинув бумажные ширмы фусума, из коридора появился юноша в белом каригину, выглядевший так, будто сошел со страниц свитков эпохи Хэйан-кё. Хотя на голове у него красовалась черная шапка убоси, а верхняя половина лица была скрыта куском белой бумаги — так что виднелись лишь нос и губы, — от самого юноши исходило столь внушительное присутствие, что невольно заставляло затаить дыхание. К тому же хакама юноши были пурпурного цвета. В сфере синто цвет хакама различается в зависимости от должностного ранга. Лишь такие руководящие должности, как гудзи или гон-гудзи, имеют право носить пурпурный цвет, в то время как остальные рядовые должности священнослужителей, вроде неги или гон-неги, — бледно-голубой.

— Простите, что нагрянули к госпоже Сакурако столь внезапно, и никак не ожидал, что сам господин сёгудзи окажется в святилище. Коносукэ проявил величайшую неуходимость, прошу юношу Идзаё о снисхождении, — в ужасе распростершись ниц, почтительно произнес Коносукэ.

Да, этот внезапно вошедший юноша и был тем самым сёгудзи святилища Хигураси. Не стоит думать, будто святилище Хигураси осталось таким же маленьким, каким было несколько веков назад: хотя в святилище поклоняются лишь одному древнему божественному дереву, масштабы его вовсе не малы, и в синтоистских кругах оно занимает определенное положение.

К тому же святилище Хигураси отличается от прочих. Будучи фамильным святилищем, оно никогда не испытывало недостатка в сородичах с мощной духовной силой — кровь клана Хигураси всегда отличалась необычайной силой, особенно у этого взрослого перед ними.

Коносукэ сейчас пребывал в крайнем испуге. Ведь до этого он изо всех сил старался уговорить Сакурако немедленно согласиться на должность сэнива у Правительства времени, причем пытался сделать это за спиной ее родственников.

И вот теперь его застал этот господин. Коносукэ сейчас испытывал страх, превосходящий всякие пределы, можно сказать, был охвачен ужасом. Ведь способность противника позволяла в одно мгновение уничтожить множество таких созданий, как Коносукэ. И пусть Коносукэ владел столь сложным искусством, как пространственный прыжок, перед лицом человека, стоявшего перед ним, это было не более чем ремеслом ученика перед мастером. Так что страх Коносукэ был вполне естественен: пусть он и был всего лишь слабым маленьким сикигами, свою жизнь Коносукэ очень ценил.

В отличие от испуганного Коносукэ, девушка по имени Хигураси Сакурако, едва увидев гостя, тут же подскочила, подбежала к юноше и обняла его за руку, радостно и весело воскликнув:

— Маленький дядя вернулся, как замечательно! А я-то думала, что ты приедешь только через несколько дней!

В ее голосе отчетливо слышались нотки изнеженности, свойственные при общении с близкими людьми, — было очевидно, что Сакурако очень близка с тем, кого называла маленьким дядей.

Хотя он и распахнул дверь снаружи совершенно неожиданно, от юноши исходило удивительно естественное ощущение. Даже то, как юноша поднял руку и погладил девушку по голове, выглядело донельзя естественным и привычным — очевидно, юноша по имени Идзаёи и Сакурако всегда так ладили между собой.

— Ха-ха-ха, просто сегодня мне вспомнилось одно дело, поэтому я вернулся пораньше, — с улыбкой произнес он, слегка приподняв уголки губ в идеальной улыбке. — К слову, очень удачно. А кто это? По какому вопросу вы ищете Сакурако? Прошу прощения за некоторую бестактность, но наша девочка еще мала, и многие решения принимать самостоятельно не может.

Хотя большую часть лица юноши закрывал листок бумаги, по его изящному и белому подбородку можно было безошибочно судить о том, что внешне он обладал поистине выдающейся. Даже один лишь вид подбородка завораживал, а от самого юноши исходила удивительно мягкая и умиротворенная аура!

Именно это окружавшее его нежное облако смягчало звучащий из его уст смех, казавшийся совершенно неуместным, так что не возникало и тени диссонанса.

Однако Коносукэ сейчас было совсем не до размышлений о том, какова же истинная внешность или настоящий характер этого господина — по спинам уже бежали холодные капли пот. В конце концов, на сей раз их сторона и правда поступила нечестно, и если копнуть глубже, с ними могли поступить как угодно, и это было бы вполне заслуженно.

— Маленький дядя, ну опять ты за свое! Мне ведь уже шестнадцать, я уже в том возрасте, когда можно выходить замуж, почему ты до сих пор обращаешься со мной как с ребенком? Я уже взрослая! — услышав слова дядюшки, Хигураси Сакурако тут же надула губы и недовольно

заворчала.

— Ни за что. По крайней мере, до церемонии совершеннолетия о замужестве не может быть и речи. Как старший член семьи, я вовсе не хочу, чтобы нашу девочку утащил какой-нибудь кабан, — с напускной старческой солидностью изрек юноша совершенно неожиданную и резкую вещь, не переставая при этом улыбаться.

И хотя по росту и внешности он казался ровесником пятнадцати-шестнадцатилетней Сакурако, тон и манеры юноши, которого звали маленьким дядей, выдавали в нем человека гораздо более зрелого, старшего родственника — и при этом все выглядело на удивление гармонично.

Давно привыкнув к подобным речам и поведению своего маленького дяди, Сакурако не находила в этом ничего странного, ведь она росла на его глазах. Услышав его последние слова, она тут же возмущенно возразила:

— Нобутомо вовсе не кабан! Маленький дядя, не говори так. Нобутомо, ну до чего же Сакурако теперь в другую сторону смотрит, как же мне, дядечке, обидно! Я ведь действительно остался очень недоволен, пожалуй, дядечка сам подыщет Сакура-чан кого-нибудь получше... разумеется, придется подождать, пока Сакурако исполнится лет двадцать, — с этими словами Юноша Идзаёй приподнял руку, прикрывая рот широким рукавом каригину, и продолжил говорить невероятные вещи, причем тон его был преисполнен горькой обиды.

Ну хватит, маленький дядечка, не надо постоянно шутить над Нобутомо, — видя, как артистично и с каким выражением разыгрывает эту сцену ее собственный дядя, Сакурако почувствовала, как у нее начинает пухнуть голова, и тут же перевела тему. — Это Коносукэ из Правительства времени, он пришел предложить мне стать сэнива, и еще...

Пытаясь отвлечь внимание любимого дядечки, Сакурако немедленно выставила вперед Коносукэ. Впрочем, сейчас она была готова на что угодно, лишь бы помешать этому родственнику продолжать свои бесконечные оценки ее возлюбленного, ведь этот старший член семьи порой бывает просто невыносим.

А вот Коносукэ, которого Сакурако внезапно выдвинула вперед, в этот момент чувствовал себя так, будто в его сердце рекой лились слезы. Ведь с тех пор, как этот господин Идзаёй вошел в комнату, Коносукэ все время находился под давящим воздействием его ауры. И хотя девушка ничего не замечала, Коносукэ был смертельно испуган, потому что это устрашающее давление буквально кричало: если он совершит хоть малейший оплох, его тут же подвергнут гуманному уничтожению!

Поэтому, когда Сакурако внезапно вытолкнула Коносукэ прямо перед Идзаёем, в душе лисенка поднялась целая буря из тысяч несущихся коней!

И еще одна вещь заставляла Коносукэ вопить от ужаса — то, как именно Сакурако все изложила. Ее рассказ оказался совсем не таким, каким Коносукэ представлял его раньше: перед своим дядей Идзаёем Сакурако слово в слово повторила все, что говорил Коносукэ, от начала и до конца не добавив от себя ни единого личного мнения.

Иными словами, юная Сакурако оказалась на редкость рассудительной, что совершенно не вязалось с характером, который предполагал Коносукэ. Хотя он давным-давно знал, что выходцы из подобных древних родов — люди непростые, поначалу Коносукэ действовал крайне осторожно и даже не помышлял о том, чтобы заставить девушку немедленно подписать контракт. Но после того, как все поведение девушки стало мало отличаться от поведения самых обычных девочек, Коносукэ изменил свою стратегию.

И вот теперь, обнаружив, что его прежние предположения были в корне ошибочны, Коносукэ почувствовал, что его душа подверглась сокрушительному удару!

Пока Коносукэ чувствовал, как давление вокруг него нарастает с каждой секундой, Сакурако уже успела выложить всю причину визита лисенка.

Вот оно что. Иными словами, Правительство времени хочет, чтобы Сакурако согласилась стать сэнива в тот момент, когда больше никого нет дома, — услышав слова племянницы, юноша кивнул, показывая, что все понял, и одновременно слегка повернул голову в сторону Коносукэ.

Хотя глаза юноши были закрыты белой полоской ткани, Коносукэ отчетливо ощутил на себе тяжелый, пронизывающий взгляд. Было очевидно, что юноша внимательно всматривается в него, и в этот момент сердце Коносукэ наполнилось огромными красными восклицательными знаками, означавшими наивысший уровень тревоги.

Кхм. Я... я к тому, что я действительно очень надеюсь, что госпожа Сакурако согласится стать сэнива Правительства времени. Сейчас военные действия становятся все тяжелее и тяжелее, и Правительству времени отчаянно необходима столь мощная и чистая духовная сила, как у госпожи Сакурако, обладающая к тому же очищающим свойством, — спасая собственную шкуру, Коносукэ был вынужден выйти вперед и дать объяснения, иначе он даже без всяких предчувствий понимал, что ему конец.

Но при этом вы попытались заманить девушку в ловушку в отсутствие нас, старших, да еще и заставили девочку, выросшую в мирную эпоху, участвовать в войне. Это ведь уже чересчур, — без малейших колебаний продолжил Идзаёй.

Эм... это... на самом деле все совсем не так серьезно! Сэнива вполне можно рассматривать как подработку, к тому же сэнива вовсе не нужно отправляться на поле боя вместе с Токэн Данси, — тщательно подбирая слова, опасливо ответил Коносукэ.

Не успел ты заговорить, как я забыл упомянуть еще кое о чем: вы хотите заставить шестнадцатилетнюю девочку жить в окружении целой толпы мужчин, и чего ради вы это задумали?! Хм! — с недовольным видом произнес Идзаёй.

Коносукэ, у которого на лбу уже выступал холодный пот, продолжал урывками объяснять, выдерживая все возрастающее давление: — Видите ли... они — цукумогами мечей, а не люди.

Но раз они предстают в человеческом облике, это уже никуда не годится. Короче говоря, я категорически не разрешаю нашей девочке отправляться туда, — прямо заявил Идзаёй.

Но... но ведь... — услышав столь безапелляционный отказ от этого господина, Коносукэ скривил плаксивую гримасу и совершенно растерялся.

Согласен.

Однозначный отказ Идзаёя свел на нет все прежние старания Коносукэ, однако лисенок даже не смел жаловаться. В конце концов, хотя аура этого человека казалась очень мягкой, он явно был сильной личностью с непреклонным характером.

Если бы можно было повернуть время вспять, Коносукэ охотно отвесил бы себе пощёчину за то, что вытворял раньше. Истину говорят: это всё из-за чувства превосходства, которое выработалось у него от прошлых приглашений обычных людей. К сожалению, повернуть время вспять было нельзя, и Коносукэ оставалось лишь горько проглотить обиду — в конце концов,

оно само во всём виновато.

В этот момент Сакурако вдруг с некоторым колебанием на лице произнесла: — Сёгудзи, тут такое...

— Нет, — зная, о чём хочет попросить его девочка, Юноша Идзаёй отрезал наотмашь.

— Но я бы хотела... — с грустью в голосе начала Сакурако, но не договорила.

Видя, как девушка смотрит на него печальным взглядом, Юноша Идзаёй с пониманием поднял руку и снова погладил её по голове, после чего произнёс твёрдым тоном, обращаясь как к ней, так и к стоявшему рядом Коносукэ: — Сакурако не подходит. Путь Сакурако лежит в Мире живых, а не в том пространстве и времени. Если она туда отправится, это лишь разрушит её привычную прекрасную жизнь, а я этого вовсе не хочу. Поэтому я не желаю, чтобы Сакурако ехала.

Услышав слова Сёгудзи, Сакурако замерла, затем снова попыталась что-то сказать, но несколько раз открыла рот и в итоге не произнесла ни звука.

Понимая чувства племянницы, Юноша Идзаёй с улыбкой сказал: — Вообще-то, я не всё еще договорил. Я собираюсь заменить Сакурако и отправиться в Правительство времени, то есть я намерен стать Сэнива.

— А? — Сакурако, чье настроение до этого было хуже некуда, услышав слова Сёгудзи, мгновенно зависла. Она просто остолбенела, потому что информации в этой фразе было чересчур много.

В шоке пребывала не только Сакурако — даже Коносукэ посчитало это невероятным.

Хотя у Коносукэ и мелькнула на секунду дикая радость, одновременно происходящее казалось ему совершенно нереальным. — Идзаёй-д...господин, вы — Сёгудзи нашего святилища, к тому же занимаете крайне важное положение в Синто. Идти в Сэнива — это пускать ваши таланты на ветер, — хотя Коносукэ и страстно желало ухватиться за эту возможность, остатки здравого смысла всё же удержали его, и оно неуверенным тоном озвучило свои сомнения.

Причины, по которым Правительство времени не предъявляло строгих требований к отбору Сэнива и которые кардинально отличались от способов выбора Сэнива в некоторых храмах Мира живых, крылись главным образом в различии потребностей.

Правительство времени являлось плодом слияния высоких технологий и мистицизма, а Токэн Данси представляли собой систему, схожую с проецированием Магических Героических Духов. Поскольку всю сложную работу за них выполняло правительство, для Сэнива главным требованием было наличие духовной силы — даже слабой, подходило абсолютно любое её наличие. Что же касается тренировки духовной силы, в ней вообще не было никакой необходимости.

В отличие от Коносукэ, которого волновали совершенно другие вещи, Хигураси Сакурако переживала совсем о другом.

Однако Юноша Идзаёй лишь мягко потрепал девушку по голове, а затем с серьёзным видом ответил Коносукэ: — В конце концов, как ты сам только что сказал, нынешняя ситуация действительно далека от идеала, и лучше меня кандидатуры не найти, верно? Что же касается обязанностей Сёгудзи, переживать абсолютно не о чем. Раз уж я упомянул, что буду

относиться к этому как к подработке, думаю, мне позволят возвращаться домой раз в месяц, не так ли?

Хотя это и прозвучало как вопрос, Юноша Идзаёй говорил с полной уверенностью.

Впрочем, каким бы тоном ни пользовался собеседник, Коносукэ чувствовало лишь то, что в его душе распускаются цветы — в конце концов, ситуация совершила поистине невероятный поворот. Короче говоря, теперь всё казалось Коносукэ прекрасным, словно в сказочном сне.

Немного оправившись от оцепенения, Коносукэ заставило себя тут же вернуться в реальность, после чего закивало с безумной радостью на мордочке, часто-часто колотя головой: — Без проблем, абсолютно никаких проблем! Если вы, господин, станете Сэнива, это просто великолепно!

— Ха-ха-ха, полагаю, что так. В конце концов, Правительство времени нанимает даже тех, у кого лишь зачатки духовной силы, так что меня вряд ли отклонят, — с улыбкой произнул Юноша Идзаёй.

Немного поперхнувшись от такого заявления, Коносукэ быстро отбросило посторонние мысли, извлекло наружу свиток и серьезно произнесло: — Вот договор. Взрослый достаточно написать на нём свое имя собственной кровью.

— Так даже лучше.

Юноша Идзаёй непринужденно взял свиток из его лап.

Видя, что Сёгудзи вот-вот уговорят, Сакурако встревожилась и испугалась.

— Всё в порядке. Твой Сёгудзи ведь не уходит навсегда, не возвращаясь! Разве я и раньше не улучшал время, чтобы отлучаться? Теперь же я буду возвращаться каждый месяц, так что не переживай, — успокаивая сидевшую рядом девушку, Юноша Идзаёй развернул свиток.

— Ого, даже кровь нужна, тогда...

Говоря это, Юноша Идзаёй достал из-за пазухи танто, извлек его из ножен и легко полоснул по большому пальцу, после чего тут же провел окровавленным пальцем вдоль нижней части развернутого свитка.

Как только палец Юноши Идзаёя оторвался от пергамента, свиток сам собой растворился в воздухе, что означало заключение договора.

Только после того, как контракт был подписан, висевшее на волоске сердце Коносукэ наконец-то опустилось на место — ведь пока договор не заключен, возможно абсолютно всё!

<http://bllate.org/book/20939/2122504>